

А Э Л И Т А Я С И Н А

ПОСЛЕ БУДУЩЕГО

Есть ли у будущего шанс?...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2017

6+

Аэли́та Яси́на
После Будущего

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ясина А.

После Будущего / А. Ясина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Настанет день, когда наша планета начнет разваливаться на части. Люди утратят элементарные навыки, большинство знаний и будут лишь выживать. Дегradировать. Достоин ли такой мир второго шанса? Да, если пара очень упрямых подростков получит доступ к знаниям и неизбежно решит ими поделиться. Вот тогда и начнется битва. Ведь старый порядок лучше нового, сами знаете. Смогут ли эти девочка и мальчик одолеть Главу своего города, уйти от погони, вырваться из западни и дать своему миру новое Будущее?

© Ясина А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

1. Крыша мира	5
2. Прижизненное шоу	7
3. Здесь все решится	8
4. В последний раз ты это сделал	11
5. Она, их мир	12
6. Он знает правду	14
7. Кто ищет, тот всегда найдет	17
8. Всемогуший	18
9. Дерьмовая работа	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

1. Крыша мира

У меня под ногами пропасть. Она не страшная, нет. Я сижу на этой крыше почти каждый день, мы сидим и смотрим на наш странный город. Иви прищурила свои синие глазищи, они такого синего цвета, говорят, когда-то таким было небо. Но ни я, ни Иви, ни наши родители этого не застали. У нас небо всегда серое. Землю трясет от постоянных катаклизмов, и вулканы дымят теперь вечно. Но наш город-государство стоит.

– Эдоум?

Я, улыбаясь, смотрю на нее, в ней столько жизни, она не похожа ни на кого. Иви откладывает листок с рисунком, она рисует все свободное время и ее картинки всегда цветные, как мир в древности, и она любит цвет. Его нет в нашем мире, в нашем мире все серое-серое.

– Пойдем? Ты чего такой молчаливый?

– На тебя засмотрелся.

Она фыркает и забавно морщит носик, я подхватываю ее рисунки, и мы бежим по бесконечным пыльным лестницам с крыши давно разрушенного здания. У него такие пустые черные провалы – окна.

– Хотелось бы увидеть его целым! А тебе?

– Хотелось бы увидеть, что было внутри.

Мы часто об этом говорим, здесь столько интересных вещей! Но не это главное, вид с крыши – то, ради чего мы сюда приходим каждый день. Город как на ладони, мы можем охватить его весь, здесь возникает чувство, будто мы можем взлететь.

Иви каждый раз чихает от пыли, которую мы поднимаем, пока бежим. Так и сейчас, «пчих-пчих», на ее пушистых ресницах пыль, я сдуваю ее, она хохочет. Я снимаю кофту, она привычно закрывает ей нос, я беру ее ладошку, и мы бежим к выходу. Она всегда так крепко держит меня за руку, все эти годы она следует за мной, куда бы я ни повел.

– Фуф, – выдыхает Иви, – боюсь, эта пыль однажды поглотит наш город.

– Глава что-нибудь придумает.

– Придумает – это верное слово, на это он горазд.

Глава нашего города, тот еще персонаж, и было бы смешно, но у него явно проблемы с головой.

– Давай сходим?

– Туда? – В глазах Иви мелькают искорки страха.

– Да, сейчас.

– Она у тебя с собой?

Я сжимаю в руке странный предмет, маленький, плоский. От него открывается крышка, под которой разъем. Я так до конца еще не разобрался, для чего эта штука, но зато мы нашли, к чему она идеально подходит.

Ее я отыскал на свалке, мне нравится конструировать, а здесь есть все что угодно и даже больше. Отец страшно этим недоволен и постоянно зачищает мою комнату от хлама, как он говорит. Он выкинул пылеуловитель, что я собрал, благо, не нашел чертежи. Старик со свалки, он, похоже, живет там всю жизнь, назвал этот предмет флэшкой, он ни знает, что это, а мы поняли. Но без Иви любое путешествие теряет смысл.

– Да, идем?

– Эд, вечереет, это на другом конце города.

– Успеем. Иви, мы в шаге от разгадки.

– Ты авантюрист, и однажды нам это точно боком выйдет!

Она протягивает мне руку. И мы снова бежим, туда, где самый большой секрет нашей жизни.

Мне пятнадцать, ей четырнадцать, мы дружим много лет, но это что-то больше, чем дружба. Она верит мне и готова идти за мной. Ей страшно, я это чувствую, ее ладонь в моей руке дрожит и эти искорки страха в глазах. Но мы бежим, я оглядываюсь, ветер развеивает ее волосы, на лице румянец, она смеется и вырывает свою ладонь из моей.

– В этот раз веду я! – кричит она мне и обгоняет, так серьезно припустив вперед.

Я кричу и бегу за ней в серый сумрак нашего разваливающегося на части города. Иви, таких, как она, больше нет, я даже думаю, она подарок этому миру. Она верит, что нужно бояться (правил или комендантского часа), но на самом деле не боится, но она – единственный человек, за кого боюсь я.

2. Прижизненное шоу

Жители города любят это место – Парк, его центр. Здесь все очень красиво и чисто, нет разрушенных зданий, нет пыли. Весь город ходит сюда. Иви подбадривает меня и бежит впереди, мы пролетаем мимо людей в одинаковых серых одеждах, еще встречаются в коричневых, видимо, они маскируются под окружающий мир. Как же нам повезло не быть взрослыми. Иви резко тормозит, ее глаза блестят, лицо пылает.

– Подожди, – она смотрит в сторону здания главного небоскреба Города, в центре которого огромный плазменный экран.

На нем, разумеется – Глава. Жители города внимают ему, как обычно.

– Идем отсюда, – он не скажет ничего нового.

– Посмотри, у него сегодня фиолетовый шарфик. Такой красивый цвет! – Иви теребит локон. Задорно прищурившись, смотрит на меня. Я на все готов ради нее, но смотреть на этот нелепый шарф... когда мы должны раскрыть загадку всей жизни!

– Он такой модник.

– Про трость знаешь?

– Про камушек, да? – Иви улыбается.

Эта девчонка все знает. Неудивительно, ее мама разрабатывает эту униформу для жителей нашего города. Только Глава одевается не как все. И у него есть трость, он везде с ней. Камень на верху, всегда под цвет его шарфика, точь-в-точь!

– Знаешь, – Иви продолжает, – мама говорит, что он меняет камень, у него очень много тростей, вначале он выбирает камень, а потом уже ему делают шарфик.

Я качаю головой, чушь какая-то, но цвет, правда, красивый. Иви глаз оторвать не может, ей бы очень подошло.

Звук трансляции обрушивается со всех сторон, Глава почти кричит, вскинув руки:

– Мы избранный народ! Мы практически единственные на Земле! Я создал это государство, и я храню всех вас.

Люди внимают, мы с Иви скептически переглядываемся. У него конкретная мания величия. И еще у него все время бегают глаза, не понимаю, что с ним не так, но у него явно есть какие-то отклонения.

Иви берет меня за руку и тащит вперед.

– Идем скорее, столько времени на него потратили.

– Упомянуть о шарфике, из-за которого мы тут застряли, стоит?

Да, я иногда не могу удержаться, чтобы не поддеть ее. Но в этот раз ее глаза потемнели, это так редко случается, она недовольна.

– Знаешь ли, молодой человек, мы все время ходим и делаем все по-твоему!

– Хорошо, – говорю я, иду обратно к экрану.

– Ну, перестань! – в ее глазах слезы.

Я улыбаюсь, подхожу к ней.

– Прости.

– Никогда не бросай меня!

Мы стоим близко-близко. Почему она верит мне?

– Не брошу. Верь мне.

Прищуриив глазки, сканирует меня.

– Всегда верила. Помни. Даже не ворчу уже про твою молчаливость!

Мы оба улыбаемся. Мы какие-то неправильные дети.

3. Здесь все решится

Это место на краю города, рядом с трущобами. Мы с Иви тут часто бродили, здесь никто не живет. Несмотря на разруху, запустение и пыль, здесь все дышит прошлым. Кое-где оно даже не тронуту. Фонтан, в котором вода высохла сто лет назад, он даже сейчас невероятно красив. Иви как-то нарисовала его целым и в цвете. Может, она рисует будущее? Но не знаю, устоит ли наш город, земля стала часто трястись.

Наше секретное место – это подвал. Когда мы здесь, немного страшно, что кто-то зайдет и застанет нас врасплох. Несколько захламленных комнат: все разбросано, разрушено и сломано. В этом помещении никто не жил, здесь работали. Здесь очень много старых компьютеров, но они все сломаны и разбиты. Я нашел один более-менее целый и починил. Разобрал все другие и целыми днями сидел здесь полгода! Я вовсе не гений никакой, просто чувствую технику, прикасаюсь – она словно живая, как организм. Что куда должно идти, что к чему, не знаю, как это объяснить, – просто чувствую ее, поэтому и собрал. Я все, что нужно, могу собрать – это у меня с детства. Ох, как же отец это ненавидит...

У всех компьютеров сзади очень забавный знак – надкусанное яблоко. Нам, людям, почти не знающим о прошлом, это никак не понять. Признаюсь, мы с Иви даже погрызли компьютер, думали, может у него яблочный вкус... В конце концов мы так замучились, пытаюсь понять, к чему здесь яблоко, что чуть не поссорились.

У нас редко бывают какие-то лакомства или фрукты. Им почти негде расти. Сколько мы с Иви помним, в общих группах, где мы занимались, мы все надкусывали, так мы обозначали, что это наше. Это негласное правило, можно сказать, даже правило чести. Надкусанное тобой – никто взять не в праве. А вот если забыл таким образом пометить, пеняй на себя, кто-нибудь прикарманит и сам надкусит. В общем, мы решили думать, что тот, кто эти компьютеры производил, очень любил яблоки и, чтобы никто у него ничего не украл, он придумал такой ход – «Мол, мое, не трогай!»

– Эд – это старая сеть, здесь нет электричества.

Иви ползает по полу меж проводов, я дал ей прибор, он определяет, есть ли напряжение, то есть электричество, иначе нам не включить компьютер.

Я подключаю системный блок к монитору, именно в нем, в этом системном блоке разъем, в который идеально входит флэшка. У меня немного вспотели руки, и провод выскользнул, внутри меня словно что-то дрожит. Те, кто оказывается в шаге от мечты, от того, чтобы разгадать загадку всей жизни, думаю, они чувствуют то же, что и я. Ни о чем невозможно думать. Только эта цель.

– Эд? Ты жив?

Я выглядываю из-за своей горы коробок и прочего хлама. Иви вся пыльная-препыльная.

– Ив, в одном из проводов точно есть заряд.

– С чего ты так уверен? Это мертвая зона, Центр не обеспечивает ее электричеством. И вообще, они контролируют все, куда поступает питание!

– Они не могут все контролировать.

Она скептически смотрит на меня. Вздыхает.

– Может, есть какой-то другой путь, чтобы его включить?

– Центр питания подключен к старым сетям, он функционирует за их счет. Они не создавали ничего нового, Ив, и это значит, что сигнал может идти в один из проводов здесь. Это место требовало много энергии и есть шанс.

– Исключительно по теории вероятности!

Я закатываю глаза и скрываюсь за коробками, мне в макушку прилетает брошенная Иви ручка. Она, улыбаясь, заползает в низкую пыльную нишу и ворчит оттуда.

– Нашел себе покорного разнорабочего. В следующий раз я с компьютером вожусь!

По правде, она все время пачкается из-за меня, но нам обоим нравится, когда она ворчит. «Пчих-пчих», – доносится из ниши. Она как кусочек солнца в нашем мрачном мире. Я скрываюсь за коробками и аккуратно вставляю весь клееный-переклеенный провод от компьютера к блоку. Проверяю, крепко, прочно ли соединение. Кладу монитор на колени, стираю пыль, поверхность кое-где треснула, но в общем он цел. Это дело сделано, теперь нужно только найти питание.

– Ой! – пронзительный возглас Иви.

Я слышу боль в ее крике. Вскрываю и бегу к ней, спотыкаюсь.

– Ты в порядке? Что с тобой?

Она выползает из ниши, потирая лоб. Я бегу к ней, но не замечаю торчащей из стены балки и, поднимая тучи пыли, падаю на пол.

– Эд!

Она бежит ко мне, держа в одной руке прибор для измерения заряда.

– Все нормально.

Моя коленка болит! Но у Иви кровь на лбу.

– Иви!

– Да, все хорошо.

Я стираю каплю крови с ее лба своей пыльной рукой. Как же мне страшно, если с ней что-то случится, я даже не знаю.

Маленькая царапина, крошечная совсем. Видно, у меня такой ужас в глазах, что Иви берет меня за руку, как умеет только она, и все помещение заливают свет ее улыбки.

– Ударилась немножко, неожиданно было, когда провод меня ужалил.

– Точно все хорошо? Не болит?

– Да нет же!

Иви начинает сердиться, она не любит гиперопеку.

– Подожди, ты сказала, провод ужалил?

Я вскрываю и сломя голову несусь к нише.

– Видишь, ты снова оказался прав!

Я чувствую ее улыбку и тихую радость, пока лезу внутрь, провода болтаются – их много! Паника заполняет каждую клеточку моего тела. Как?! Какой?! И вдруг меня наполняет покой, словно со всех сторон обрушивается тишина и в ней я протягиваю руку к тоненькому серому проводку, висящему чуть в стороне. Дотрагиваюсь пальцем! Ух, какой разряд! Не сильный конечно, но очень чувствительный!

– Правда, кусается.

Иви сидит рядышком.

– Массаж «пчелка» для особо избранных элементов общества и совершенно бесплатно!

Мы оба смеемся.

– Что дальше?

– Подведем провод к компьютеру.

Что-то пиликает, пронзительно и тревожно. Я смотрю на Иви, ее глаза расширяются от страха.

– Комендантский час... Эд.

Таймер на ее руке мигает красным.

– Быстрее! – я хватаю Иви за руку, и мы бежим сквозь комнаты, по ступеням вверх. Бросив все, как было. Кажется, будто весь окружающий мир слышит наше дыхание и сбивчивый стук сердец.

Бежать, скорее-скорее, пока город не накроет тьма комендантского часа. Но мы успеем добежать, мы наострились бегать быстро. Бежим, проносясь мимо пустых зданий, пугающих

своей давно утраченной красотой. В безмолвии и тишине. Пронесимся мимо фонтана, город погружается в сумерки. Там, за фонтаном, в глубине, спрячутся два мальчика, они братья. Они давно следят за нами, но мы, разумеется, об этом не знаем, мы познакомимся с ними позже.

Комендантский час – время контроля, что каждая семья дома и на улицах никого нет. Так Глава управляет городом, так он находит беженцев – хотя в город не просто проникнуть. Так обеспечивается порядок. Люди, оказавшиеся на улице после комендантского часа, исчезают... никто не знает их судьбы.

Мы подбегаем к Парку, Иви очень тяжело дышит, я останавливаюсь.

– Что такое? – Ее глаза лихорадочно горят, она устала очень, это видно.

– Все хорошо, мы успеваем.

Я снимаю кофту и вытираю лицо Иви от пыли, она покорно сносит, но это только потому, что устала. Я подвожу ее к раздатчику воды, нам полагается два стакана. Иви залпом выпивает свой, я половину, остальное протягиваю ей, она категорически мотает головой.

– Пей, мы уже почти дома, я там попью.

Иви мотает головой,

– Пей, водохлеб, слушай старшего!

Я засовываю стакан ей в руки, она недоверчиво смотрит на меня, но я не обращаю внимания и отряхиваю ее пыльную одежду. Никто не должен догадаться, где мы бродим. Иви допивает воду и помогает мне. И мы идем домой – это самая большая досада моей жизни!

4. В последний раз ты это сделал

Я тихо иду к своей комнате, света в квартире нет, комендантский час – электричество в домах отключают. Отец ненавидит, если я поздно возвращаюсь, и это значит, что завтра утром меня ждет выволочка. Я открываю дверь в свою комнату: здесь все перевернуто вверх дном, на столе горит свеча, а в центре – стоит отец. Его просто трясет от злости. Я смотрю на него, между нами почти ничего общего, разве что серые глаза и светлые волосы. Мама говорит, что у меня суровая внешность – строгая. Поэтому, я немногословный, мама считает, что внешность определяет характер – она у меня учитель. А папа был строителем, но однажды, на восстановлении здания на него упала плита, так он лишился половины руки и стал инвалидом. Так он стал ненавидеть весь мир и меня.

– Ты где шарился, щенок?

Он неотвратно идет на меня. Я стою на месте.

– Мы с Иви гуляли, извини.

– Извини?

Он поддевает ногой собранный мной робот-пылесос (мама очень устает, ей собрал в подарок) и швыряет его в стену, здоровой рукой разносит остальные приборы.

– В комнате бардак! Опять хлама натащил! Учиться у тебя времени толком нет, зато погулять и насобирать всякую ерунду есть?

– Пап.

– Не смей меня перебивать! Мал еще! – он продолжает крушить все в комнате. – Я тебе сколько раз говорил, чтобы этого здесь больше не было! Сколько, я спрашиваю?! – орет он.

Мне не страшно, мне его жаль, но я не знаю, как достучаться до него. Он всегда зол и всегда ненавидит. Я изо всех сил сжимаю в руке флэшку, она как мой якорь в этом безумном мире, вещь, которую я считаю своим спасением.

– Что у тебя там?

– Ничего.

– Что у тебя в кармане, я спрашиваю?!

Заметил... Его лицо блестит от пота, глаза лихорадочно горят, челюсти так и ходят.

– Пап, ничего.

– Достань, я сказал!

Он подлетает ко мне и со всей мочи дергает за руку, флэшка вылетает из ладони. На секунду она зависает в воздухе и потом стремительно падает на пол. Меня охватывает отчаяние такой силы, что я боюсь разреветься. Я бегу к ней.

Отец бьет меня так, что я отлетаю к стене и ударяюсь об нее головой. Сквозь звездочки в глазах вижу, как он идет к флэшке, поднимает ее.

– Сосунок паршивый! – доносится до меня сквозь звон в ушах.

Не в первой. Но в этот раз я не успел увернуться. Мать тихо плачет в глубине квартиры. Отец уходит из комнаты. Он сомневается, что я его сын, потому что я слишком смышлен, по его мнению. У меня нет ненависти к нему, но думаю, что тем, у кого нет отца, им лучше.

Я медленно встаю и обвожу взглядом свою комнату, место, где я никогда не буду в безопасности. Во мне ростком какой-то неведомой силы появляется осознание того, что я больше никогда не позволю ему себя ударить. Словно стальной стержень проходит теперь сквозь меня. Он не сможет больше меня ударить, никогда.

5. Она, их мир

В отличие от меня, Иви не таится, входя в дом.

– Мам, пап, я дома.

Ее отец, сидя на стуле, выглядывает в дверной проем и подмигивает дочери. У него точно такие же синие глаза, но только у Иви они горят, а у него глаза потухшие, я бы даже сказал безжизненные.

– Ужин необратимо остыл, – запас его бодрости иссякает, и отец Иви исчезает из проема. Иви театрально вздыхает и бросает сумку на пол.

Отец Иви – маляр, он целыми днями что-то подкрашивает, закрашивает и реставрирует. Раньше он рисовал на стенах, его рисунки завораживали своей красотой и буйством красок. Говорили, что на стенах будто оживали пейзажи давно исчезнувших континентов. Но однажды все закончилось, о его увлечении узнали и рассказали Главе. С тех пор отец Иви больше ничего не рисует, только красит. Он стал апатичен и ко всему безразличен, он безумно любит Иви, но любовь такая – как всплеск, а потом апатия. Он очень оживляется, рассматривая рисунки Иви (детям не запрещают рисовать), но потом теряет к ним интерес и глубоко опечаленный уходит в свою комнату. Такое ощущение, что там он рисует в одном ему видимом мире.

– Детка, ты безобразно перепачкалась. – В этой фразе вся мама Иви. Она одета в серую одежду, как и все в городе.

Она помогает Иви переодеться.

– Мам.

– Дорогая, не вертись.

– Мам.

– Ох, твоя одежда просто пропитана пылью. Дорогая, нужно быть аккуратнее. И тебе необходимо поужинать. Иди.

– Мам, послушай.

– Ох, это похоже лучше сдать в прачечную.

– Мам! Сегодня у Главы был фиолетовый шарф!

– Так, юбка кое-где протерлась, лучше сошьем тебе новую. Дорогая, где ходишь, что твоя одежда так быстро изнашивается?

– Мам, ты вообще меня слушаешь?!

– Что? Ах да, конечно, фиолетовый шарф. Полагаю, он долго не будет менять цвет, он совершенно им очарован.

– Я не понимаю, почему мы все должны рядиться в серое и коричневое, а у него шарфы таких цветов, что просто... просто... у меня даже в палитре нет таких красок!

Мама откладывает вещи Иви и ведет ее на кухню, там много свечей и накрытая салфеткой тарелка с ужином.

– На, вот, держи, – мама подает Иви вилку, та хмуро ковыряет холодную еду.

– Дорогая, поведение Главы, как и стиль его одежды, не могут обсуждаться в народе.

– Вообще-то, ты моя мама, дочери можно сказать.

– Детка, правила одни для всех, благодаря им у нас в городе порядок и безопасность.

– Как цвет одежды влияет на безопасность?

Мать Иви вздыхает и встает. Конечно, нам, детям, сложно понять, почему кругом все должно быть такое унылое. Когда все однообразно, людьми проще управлять, проще все держать под контролем. Люди не должны грезить ни о какой другой жизни, кроме той, что у нас есть. Да и грезить-то сложно, большая часть Земли для жизни не пригодна. Если люди будут друг от друга отличаться, возникнет зависть, желание обладать чем-то более красивым. Поэтому в городе всех уравнили. Каждый занимается своим делом, и никто не имеет права

ничем выделяться. Все должны быть одинаковые. И мы просто живем, делаем каждый свое дело, государство обеспечивает нас едой и всем необходимым для жизни. Оно заботится о нашей безопасности, поэтому и ввело комендантский час, но на самом деле в это время ловят беженцев из других регионов планеты – правда, мы об этом не знаем. В это же время уничтожается все, что может напомнить о прошлом, то, о чем мы не должны знать. Глава ваяет свою историю Мира.

– Послушай, только ешь, пожалуйста.

Иви неохотно жует холодную картошку.

– Глава может и должен отличаться, на то он и Глава.

– Но...

– Детка, этот человек несет ответственность за нас всех. Это очень тяжелая ноша. И наш долг помогать ему в этом, а не мучиться пустыми вопросами.

Глаза Иви потемнели, верный признак негодования, она терпеть не может, когда ей навязывают чужую волю. Иви очень непокорная девочка, я другой такой не знаю, наверное, поэтому мы и дружим. Мы категорически не хотим принимать правила окружающего нас мира.

Мать целует Иви в лоб.

– Спокойной ночи, дорогая, мы любим тебя.

Она уходит, Иви, насупившись, остается за столом. На самом деле ее мама выбрала идеальную тактику, с Иви очень сложно спорить. Поэтому она ставит ее перед фактом, мол, делай с ним сама, что хочешь, – и уходит. Она принимает действительность такой, какая она есть, и дочь такой, какая она есть, не стремясь переделать. Родители у Иви очень хорошие, хотя и апатичные.

6. Он знает правду

Утром город заливают серый рассвет, пропитанный пылью. Люди в одинаковых одеждах идут каждый по своим делам. Тепло, скоро начнется жара, когда по улицам можно передвигаться, только накрывшись мокрыми простынями. Благо, обитаемая часть города довольно небольшая.

Неподалеку от Центра, хотя это понятие относительно, в хорошем доме (у нас есть более благоустроенные дома, чем основные), живет со своей семьей Ученый. Я не знаю его, и мы встретимся лишь однажды, когда нас поведут на казнь. Этот человек знает о нашем мире больше кого-либо в городе. Ученый – подлинный муж науки, его знания по состоянию окружающей среды энциклопедичны. У Ученого есть жена, она считает своим призванием служить мужу, она так говорит о себе: «Что может быть приятнее принести своему мужу кружку горячего чая, когда он совершает открытие века?». В общем, она его обожает, всегда слушает и именно с ней первой он делится своими открытиями. Так было и этим утром.

– Все, дорогая, я все рассчитал.

Он ходит по комнате взад-вперед, качая головой. К нему стремительно входит жена. Она у него красавица и, несмотря на этот стандартный серый код одежды, утонченная и элегантная.

– Ну как?

– Садись.

Она тактично присаживается на край стула, не отводя взгляд от мужа. Ученый садится рядом. Весь стол завален бумагами с заметками, чертежами и вычислениями. Он все это отодвигает, оставив лишь маленький блокнот и ручку. Дотрагивается до монитора, тот загорается, на нем медленно движется земной шар.

– Смотри, зеленые зоны...

Она ласково улыбается и гладит его по плечу.

– Там, где есть разумная жизнь, где, возможно, остались люди.

Ученый, улыбаясь, гладит ее ладонь на своем плече.

Картина на экране получается довольно безрадостная, большая часть – серый цвет, под ним скрывается все что угодно: ушедшие под воду материи; безжизненные пустыни; исковерканные при столкновении друг с другом, некогда живописные плато; земли, навсегда покрытые лавой; поднявшиеся из глубин безжизненные куски почвы; скальные массивы, на которых жизнь невозможна. По всему пространству земного шара мигают красные точки – это действующие вулканы, их очень много и их пыль душит наш город, они дымят и собираются дымить вечно. Территории, мигающие зеленым, – это земли повышенной опасности, там жизнь людей под угрозой, среди них наш город. Дело не в том, что он рядом с вулканом, хотя и это тоже играет свою роль – этот город, бывший когда-то гигантским мегаполисом, находится на очень неустойчивом плато, оно нестабильно. Еще по миру разбросаны крохотные или просто небольшие зеленые точки. Там жить пока довольно безопасно.

Очень давно на Земле проживало огромное количество людей, сейчас в это, правда, сложно поверить. Они не церемонились с окружающим миром – загрязнили атмосферу и исчерпали природные ресурсы, за которые началась война. Мы не знаем, кто пустил ракету с ядерной бомбой. Она не долетела до цели – ее сбили, и эта чудовищная штука упала в кратер давно потухшего огромного вулкана. Там она взорвалась... Этот взрыв спровоцировал глобальные климатические изменения, дополнив уже начавшиеся. Запустилась смертоносная цепь проснувшихся и активизировавшихся вулканов, начались повсеместные землетрясения, торнадо, ураганы. Материи уходили под воду, плато смещались... На оставшихся крошечных участках суши, где возможна жизнь, ее либо нет, либо она скудна. Ученые убеждены, что Земля еще перекраивает свой облик.

Когда люди в городе оправились после случившегося и более-менее наладили свою жизнь, они начали попытки изучения окружающего их мира. Так, им удалось установить связь с одним из кружащих вокруг Земли спутников – цель его запуска нам неизвестна, но сейчас с него можно получать довольно точную информацию о состоянии окружающей среды нашей планеты. Ученый имеет доступ к материалам, передаваемым со спутника. Он кропотливо их изучал, анализировал и пришел вот к такому выводу:

– Наше плато разрушается.

– О чем ты? Что это значит?

– Мамоchка, папочка, знаете, что!?! – к ним в кабинет забегают жизнерадостные близнецы, брат с сестрой – дети Ученого и его жены. Они единственные близнецы в городе, их рождение даже показывали по экрану, что в центре, в Парке. Малышей все любят, они гордость нашего города. Глава убежден, что их появление на свет целиком заслуга его управления Городом...

– Ребятки-ребятки, только ничего не трогайте. – Ученый паникует, дети восторженно ринулись к его бесценным записям.

– Солнышки мои, – мать ласково выпроваживает их из кабинета, – поиграйте там немножко, мы сейчас к вам подойдем.

Близнецы, не расстроившись, убегают, им хорошо, они всегда вдвоем.

– Смотри, – Ученый дотрагивается до экрана – тот весь заполняется непонятными графиками. – Нужно уходить. Плато, на котором стоит город, трескается и будет трескаться дальше.

– Почему никто об этом не знает?

– Разломы очень далеко и пока относительно неглубоки, но скоро они придут сюда и поползут, это неизбежно. Плюс, – графики на экране снова меняются, – воздух.

– Да, – женщина кивает.

– Пепел и заводы – нам скоро нечем будет дышать.

Ученый вновь дотрагивается до экрана, на нем появляется наш Город, вокруг которого ближе к воде идут линии разломов, они горят красным. Картина начинает оживать: разломы испещряют город, здания рушатся.

– Куда нам идти? На тех клочках суши, что в океане, люди сражаются между собой за сантиметр земли! На других они так деградировали, что потеряли человеческий облик и очень опасны.

– Не волнуйся, – Ученый сжимает ладонь жены, – нужно уйти вглубь материка, в горы.

– Но как там жить? Мы не сможем построить заводы, у нас нет ни знаний, ни материалов.

– Нужно основать эко-поселения, максимально вернуться в естественную среду.

– Оставить все это, наш комфорт? Безопасность?

– Там намного безопаснее, чем здесь, – на экране вновь возникает плато, его центр, по которому проходят горы, очень толстый, он как бы уходит вглубь земли, в отличие от тонюсенького кусочка, упирающегося в воду, где стоит наш город.

– Центр материка не затронут землетрясения, это максимально плотный участок суши. И воздух в горах несравнимо чище, пыль туда не долетает.

– Что ж, – жена Ученого печально улыбается, – это не то, что мне хотелось услышать, по правде.

Ученый кивает и трет ладонями свое лицо. Глаза у него красные, воспаленные от недосыпаний.

– Люди не любят изменений.

– Люди не любят терять комфорт, даже если он им дорого обходится.

Ученый с женой смотрят друг на друга.

– Сколько у нас времени?

– Не больше пяти лет.

– Достаточно, чтобы обустроится, не так ли? – Жена улыбается своему мужу.

- Но как сообщить об этом людям?! – он яростно трет свое лицо.
 - Тебе нужно встретиться с Главой, и чем скорее, тем лучше, пять лет, как я понимаю, цифра весьма условная.
 - У меня нет права доступа на общение с Главой.
 - Ваш отдел курирует Советник.
 - Я не знаю, не знаю, что делать.
 - Не волнуйся, я составлю прошение о встрече, а ваш отдел передаст его Советнику.
 - Что бы я без тебя делал?
- Ученый благодарно обнимает своего самого преданного соратника – свою жену.
- Мы все успеем, все получится, – она улыбается, слыша веселые возгласы близнецов.
- Трудно поверить, что города скоро не будет. Это единственный мир, известный нам с Иви. Но это так захватывающе, что он им не ограничивается!

7. Кто ищет, тот всегда найдет

После вчерашнего в моей комнате разгром страшный. Обидно, столько всего сломано, что могло бы помочь, могло бы улучшить жизнь... Но обида и горечь вдруг растворяются в необъяснимом потоке любви, окатывающем меня со всех сторон. Я совершенно сбит с толку. Все вокруг будто стало чище, будто умылось этим потоком и я вместе с ним. Я вдруг вспомнил, что так бывало раньше, этот свет помогал, поддерживал...

Я выхожу из комнаты, понимая, что никого в квартире нет, я один. На кухне лежит мой упакованный завтрак, а на нем салфетка. Я машинально беру ее, это записка: «Держись, мой мальчик». Мама... Мои губы расплываются в улыбке. Воспоминания обрушиваются на меня: вот мы в парке – она держит меня на вытянутых руках и кружит, кружит, я залиvisto смеюсь своим беззубым ртом, я совсем кроха. Мама такая счастливая! А вот мы дома, я уже прилично подрос и сижу весь такой угрюмый. Мама пытается меня развеселить, думает, я чем-то расстроен. Тогда она еще просто не поняла, что я сам по себе такой, как бы в себе, мало эмоциональный, но это не означает, что чем-то расстроен. А тогда она изо всех сил пыталась меня развеселить, и это у нее получилось! Она стала играть со мной в игру, в которую с ней играли ее родители, а с ними их, и так через все их поколения. «По кочкам, по кочкам, по маленькой гладенькой дорожке» – приговаривала она, усадив меня к себе на колени и раскачивая их вверх – вниз, из стороны в сторону, меня это очень занимало. «В ямку – бух» – и она неожиданно разводила ноги, а я, визжа, проваливался вниз, она, конечно, крепко меня держала. Ох, как же я веселился! Потом это стало нашей любимой забавой. Мама. Сейчас я вдруг почувствовал, как много для нее значу, как любим.

Я хожу по квартире, волнами накатывает ужас и беспомощность. Как мне найти флэшку? Где? Я заползаю в комнату родителей и начинаю методично все обшаривать. Коробки с обувью, вещи, нахожу свою детскую одежду... Мама до сих пор хранит ее! Ох, но как же в этой огромной комнате с кучей полок, стеллажей и шкафов, всяких ящичков, как же мне ее отыскать?

Накатывает слепое отчаяние, слезы застилают глаза, ее нигде нет, я держу в руках свои собственные ботиночки, со времен, когда мне был всего год. Мне нужно успокоиться и выдохнуть. Я расслабляюсь и снова чувствую свет. Да, так было уже не раз, как будто на меня сверху льется много-много прозрачной воды. Я все еще не понимаю, что это.

Так было, когда идя со свалки, я встретил Иви, – ей было девять, она рисовала, я будто шел в свете и он привел меня к ней. В том же свете, когда внутри мир и тишина, я нашел флэшку в недрах странного и пугающего агрегата... Свет привел нас в наших путешествиях в то помещение с компьютерами. И вчера я видел свет, когда Иви залезла в нишу и нашла провод! Словно он ведет нас. Я, было, подумал, что у меня проблемы с головой, как у Главы, но...

Но я сознательно окунаюсь в свет, видимый лишь мне, и моя рука плавно убирает детский ботиночек в коробку, где он хранился. Я спокойно встаю и иду в прихожую, там есть небольшая кладовка. В ней хранятся инструменты со времен строительного прошлого отца. И там, в коробке, полной каких-то гвоздиков, винтиков и шурупчиков, я нахожу свою флэшку.

Она лежит на моей ладони, такая родная, там, в ней, ключ к моей будущей жизни. К нашей будущей жизни. Пора бежать к Иви!

8. Всемогущий

День Главы всегда начинается рано и нервно. Он пьет много кофе, слушает доклады и нервничает. Он просто холерик, но холерик, обладающей тотальной властью над городом, – это опасно. Для всех. Единственный, кто может его как-то успокоить, – это Советник, седой, невысокий человек в очках.

Глава стучит тростью по полу, все знают – это не к добру.

– Сколько их?

Напротив Главы – молодой Солдат. В нем чувствуется внутренняя сила и какое-то нарастающее сопротивление, которое однажды прорвется. И он такой, не знаю, как объяснить, надежный, это, пожалуй, верное слово.

– Семь, – отвечает Солдат, глядя прямо в глаза Главе, но тот отводит взгляд и отворачивается к окну.

У Главы большой кабинет, мебель в нем деревянная – что большая редкость. Она очень старинная, но в прекрасном состоянии, за ней тщательно следят. Глава любит старинные вещи, которые, в его понимании, могут подчеркнуть его статус. Эта мебель вообще не похожа на наш мир, она словно из другого, ни у кого больше такой нет.

В руках Советника несколько бумаг, он поправляет очки и примирительно произносит:

– Семеро, это совсем не...

– О чем ты?!

Солдат отворачивается, видно, это не в первой.

– Как мы объясним их появление?

– Люди знают, что есть обитаемые земли.

– Им не к чему в этом убеждаться! Город функционирует благодаря вере в нашу исключительность и неприкосновенность наших земель!

Советник поворачивается к Солдату:

– Прошу прощения, молодой человек.

Солдат кивает и собирается выйти.

– Я не собираюсь... – холодным тоном произносит Глава, поворачиваясь от огромного окна последнего этажа небоскреба, единственного уцелевшего в городе.

Солдат останавливается.

– Менять политику Государства, – продолжает Глава.

Советник вздыхает, взгляд Солдата упирается в пол.

– В отношении беженцев. Такова моя воля. После обеда представьте отчет с видеорегистратором, – ледяным голосом заканчивает Глава.

– Будет исполнено, – сухо произносит Солдат и выходит из кабинета, за закрытыми дверьми которого не заканчивается спор между Советником и Главой.

– Послушай, – Советник подходит к Главе.

Тот разворачивается и визгливо кричит, впрочем, это его обычная манера поведения.

– Я не желаю больше этого слышать! – Он бьет тростью об пол. – Людям необходимо считать себя исключительными! Мы избранный народ, и для этого требуется идти на небольшие жертвы.

– Небольшие? За последний год их пришло около пятидесяти, эти люди добирались с разных концов Земли сюда к нам в надежде на помощь!

– Нам самим нужна помощь! Земля бесплодна! Ресурсы на грани. Нужно думать о сокращении населения, а не его пополнении.

– Что... Что ты сейчас имеешь в виду? – Советнику страшно, по-настоящему страшно.

– То, что ты слышал. Я – Глава этого города. Я забочусь о процветании его народа. И я решаю, только я, как наиболее эффективно этого достичь.

– Очнись. Что ты говоришь? Тебе мало убийств, сколько загубленных жизней могут утолить твою жажду власти и контроля?!

– Столько сколько потребуется. Это жертвы во имя нашей жизни! Ты прекрасно знаешь, как тяжело городу. Я действую во благо всех.

– Ты не в себе.

– Осторожнее со словами, ты сам по возрасту в группе тех, кто попадает под сокращение.

Глядя на Главу, Советник качает головой и отступает назад, в его глазах недоверие и... сострадание.

– Прости, – произносит Глава, в его голосе нет никакого раскаяния, просто хотел припугнуть Советника, – конечно, тебя ничего не коснется. Но завтра я подпишу приказ. Те, кому больше пятидесяти, должны покинуть город.

– Ты хочешь сказать умереть?

– Я сказал, то что хотел, это по крайней мере гуманно.

– Ты не можешь так поступить.

– Подготовь обоснование.

– Послушай.

– Нет, ты послушай! – кричит Глава. – Ты обязан подчиняться моим приказам! Уходи и выполняй свою работу!

Советник поправляет очки, он так глубоко опечален, что не может уйти, хотя обычно покидает кабинет Главы сразу. Глава стоит, демонстративно отвернувшись к окну, его вид говорит о том, что разговор окончен.

Но так бывает не всегда, очень часто именно Советнику удается переубедить Главу, но только не в случае с беженцами. Он всегда непримирим. И, наверное, всепрощение Советника начали подходить к концу, как и выполнение приказов Главы Солдатом.

9. Дерьмовая работа

Мрачный Солдат сидит за рулем своей машины у главного небоскреба. У нас почти ни у кого нет машин, у Солдата она по долгу службы. Она большая, открытая и... старая, как и все в городе. Солдат надевает солнечные очки и едет на окраину города, место, где база его отряда, место, которое он ненавидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.